

Международный colloквиум «Маленький человек и большая война в истории России (середина XIX – середина XX века)»

17–20 июня 2013 г. в девятый раз Санкт-Петербургский институт истории РАН (СПбИИ РАН) совместно с Северо-западным отделением Научного совета РАН «История социальных реформ, движений и революций», Европейским университетом в Санкт-Петербурге, Голдсмитс Колледжем Лондонского университета (Великобритания), при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Фонда Фрица Тиссена (ФРГ) провели международный colloквиум по российской истории. Специалисты из разных городов России и зарубежья, профессионалы в различных областях науки – от истории и лингвистики до антропологии – собрались для обсуждения судьбы «маленького человека» в больших войнах середины XIX – середины XX в.

Особенностью colloквиума, традиция проведения которого насчитывает уже 24 года, является то, что доклады на нём не зачитываются, а заранее размещаются в открытом доступе на сайте Института. Кроме того, всем участникам выдаётся специально подготовленный препринт для ознакомления. Благодаря этой системе, уже хорошо себя зарекомендовавшей, остаётся больше времени для обсуждения докладов, и оно приобретает большую научную глубину.

На открытии конференции выступили её организаторы – директор СПбИИ РАН д.и.н. *Н.Н. Смирнов*, д.и.н. *Е.Ю. Сергеев* (Институт всеобщей истории РАН – ИВИ РАН), к.и.н. *Н.В. Михайлов* (СПбИИ РАН), PhD *Я. Плампер* (Голдсмитс Колледж) и PhD *У. Розенберг* (Мичиганский университет, США). Во вступительном слове германский исследователь Я. Плампер сформулировал основную идею colloквиума: в течение четырёх дней его участникам предстояло обсудить широкий круг проблем, остававшихся долгое время в тени истории боевых действий и изучения военного искусства. В центре внимания должны оказаться лица, затронутые конфликтами, включая как рядовых солдат, так и гражданское население. Подобная задача сама по себе предполагает междисциплинарный характер дискуссии и множество подходов к осмыслению войны.

Программа конференции была сгруппирована по панелям, отражавшим методологическое разнообразие мировой исторической науки. Первая секция объединяла доклады, посвящённые исторической памяти. Д.и.н. *В.В. Латин* и *М.С. Федотова* (СПбИИ РАН, Европейский университет в Санкт-Петербурге) изложили результаты анализа того, что может сказать об обществе увековечивание имён тех или иных героев. В сообщении PhD *М. Ферретти* (Университет Витербо, Италия) память буквально стала действующим лицом исторического процесса позднесоветского периода. Развитие двух видов памяти о войне, формировавшихся параллельно – памяти фронтовиков и официальных мероприятий – представлено во всех нюансах этого сложного явления. В докладе исследователя из Италии прозвучал также вопрос, к которому позже не раз возвращались участники встречи: возможно ли объединение российской и европейской памяти о Второй мировой войне? Сам учёный в этом плане был настроен оптимистично. Однако дальнейшее обсуждение темы продемонстрировало, насколько трудно решение данной задачи даже в начале XXI столетия.

На colloквиуме был затронут весьма дискуссионный вопрос о национально-религиозной идентичности во время военных конфликтов. Освещение д.и.н. *С.М. Исхаковым* (ИРИ РАН) и PhD *Д. Россом* (Назарбаев Университет, Казахстан) экзотических для европейцев культур Востока ожидаемо встретило интерес участников, но не менее интенсивным получилось и обсуждение доклада д.филол.н. *Е.Е. Левкиевской* (Институт славяноведения РАН) о религиозности солдат Советской армии во время Великой Отечественной войны. Прочтение этнолингвистом источника, анализ которого принято считать прерогативой историков, дало неожиданные результаты, вписав вопрос в контекст развития традиционной культуры и трансформации общества.

Во второй день история войны рассматривалась в антропологическом ракурсе, представленном в докладах молодых историков *П. Валдрона* (Университет Восточной Англии), *К. Мур* (Индианский университет в Блумингтоне, США), *К. Струпа* (РАНХиГС) и *С. Визе* (Университет Гумбольдта в Берлине, ФРГ), анализировавших различные социальные аспекты Первой мировой войны, а также в содержательном и глубоком комментарии социолога и антрополога канд. культурологии *Ж.В. Корминой* (НИУ Высшая школа экономики).

Самым широким хронологическим охватом отличались выступления на секции, собравшей исследователей психологической составляющей войны, начиная со взаимоотношений армии и гражданского населения в период Крымской кампании (к.и.н. *С.В. Андрияинен* (Санкт-Петербургский университет экономики и финансов – СПбГУЭФ), через восприятие младшими офицерами столкновения с Японией в 1904–1905 гг. (к.и.н. *В.Ю. Черняев* (СПБНИ РАН)) и сознание разведчиков Первой мировой (*Е.Ю. Сергеев*) и заканчивая отношением рядовых к личному оружию в период Второй мировой войны (*Б. Шехтер* (Калифорнийский университет в Беркли, США)). Не случайно работу секции открывал методологический доклад д.и.н. *Е.С. Сеньявской* (ИРИ РАН) о «военно-исторической антропологии». Обмен мнениями с зарубежными коллегами позволил четче сформулировать границы и применимость антропологического и историко-психологического подходов в конкретных исследованиях.

Дискуссия по докладам третьего дня коллоквиума проходила очень остро. В центре её оказались сообщения к.и.н. *К.М. Александрова* (Санкт-Петербургский государственный университет – СПбГУ) и PhD *И. Салениеце* (Даугавпилский университет, Латвия) об «кином опыте» войны и видении гражданским населением нацистского режима. При этом комментаторы PhD *Д. Орловски* (Южный методистский университет, США) и к.филос.н. *Н.П. Тимофеева* (Центральный филиал Российской академии правосудия, Воронеж) обратили внимание на то, что докладчикам было необходимо с большей критичностью отнестись к субъективному опыту респондентов. Три других доклада секции были посвящены способам приспособления в эпоху войн и революций. Д.и.н. *К.Е. Балдин* (Ивановский государственный университет) и д.и.н. *А.Ю. Давыдов* (РГПУ им. А.И. Герцена) рассказали о методах продовольственного самообеспечения, а д.и.н. *Л.Н. Жванко* (Харьковская национальная академия городского хозяйства, Украина) – о беженках Первой мировой войны, являвшихся, по её словам, наименее защищённой категорией общества того периода.

Четвёртый день оказался самым богатым на научные споры. Обе панели о ленинградской блокаде и о насилии на войне вызвали повышенный интерес – обсуждение получилось даже излишне эмоциональным. Удивительно дополняли друг друга сообщения российских исследователей д.и.н. *С.В. Ярова* (СПБНИ РАН, РГПУ им. А.И. Герцена), д.и.н. *В.Л. Пянкевича* (СПбГУ) и PhD *П. Барсковой* (Хэмпшир Колледж, США), реконструировавших восприятие голода, городского пространства и движения в осаждённом городе. В итоге получилась действительно впечатляющая картина кошмара наяву, в котором пребывали жители Ленинграда. В этой связи часть дискуссии была посвящена тому особенному языку, который необходимо выработать для научного изучения столь острых и деликатных тем. Комментатор докладов д.и.н. *Н.Б. Лебина* (СПбГУЭФ), упомянув о болезненной памяти о блокаде в своей семье, всё-таки согласилась с тем, что анализ, кажущийся иногда очень жестоким, необходим. Она сравнила его с лезвием скальпеля, причиняющего боль, но помогающего лечить людей. Несколько особняком стоял доклад PhD *Дж. Хасса* (Университет Ричмонда, США), обратившего внимание на гендерный аспект процесса трансформации идентичности во время блокады: условия, в которых оказалось гражданское население, привели к коренной перестройке поведения и способствовали изменению роли женщины.

Насилие на войне стало темой заключительной и наиболее разноплановой секции коллоквиума, где звучали размышления о социальных последствиях войны (к этой теме вернулся, в частности, PhD *А. Сумпф* (Страсбургский государственный университет, Франция)), об осмыслении опыта «страшного» (доклад д.и.н. *И.В. Нарского*

(Южно-Уральский государственный университет, Челябинск) о привычке к смерти и насилию в годы Гражданской войны), о границах историко-психологического и антропологического подходов (статья PhD *М. Церович* (Парижский университет, Сорбонна I) об индивидуальном военном опыте партизан). В докладе *П. Валдрона* (Великобритания) говорилось о способах приспособления к мирной жизни инвалидов Первой мировой войны, которых государство сделало патриотическим символом и фактически предоставило самим себе. Д.и.н. *В.И. Мусаев* (СПБII РАН) показал новые грани национального конфликта в Гражданской войне в Финляндии. Последний доклад молодого историка *К. Бишль* (Университет Гумбольдта в Берлине), осветившей случаи сексуального насилия советских солдат над немецкими женщинами в 1945 г., вызвал, пожалуй, наиболее бурную реакцию. В нём в той или иной степени затрагивались сюжеты дискуссий всех секций: историческая память и пропаганда, индивидуальный опыт человека на войне, способы приспособления гражданского населения. Кроме того, в выступлениях *Е.С. Сеньявской*, к.и.н. *Л.А. Булгаковой* (СПБII РАН) и д.и.н. *В.П. Булдакова* (ИРИ РАН) прозвучали те же несколько эмоциональные ноты, что и при обсуждении «блокадных докладов».

Это вновь заставляет задуматься о проблеме единой европейской памяти о войне, обсуждавшейся на заключительной общей дискуссии. Когда речь идёт об истории своей страны, историк зачастую ощущает ответственность за неё. Поэтому так остро воспринимается многими недостаточно бережный подход к большим темам прошлого. Означает ли анализ случаев людоедства в блокадном Ленинграде то, что исследователь подразумевает отсутствие самопожертвования и глубокой осознанности момента другими гражданами? Говорит ли внимание к пьяным погромам призывников о желании исказить патриотический подъём в годы Первой мировой войны? Как описать позитивное отношение определённой части населения к фашистскому режиму? Требуется ли расписывать зверства нацистов на территории СССР прежде чем приступать к рассмотрению действий солдат Советской армии в Германии, чтобы не быть заподозренным в германском реваншизме? Как избежать пафосности (героизации или трагедийности) в исторических исследованиях? По мнению Я. Плампера, наиболее уместна лаконичность повествования, за которой должна чувствоваться эмоциональность. Задача историка видится ему в том, чтобы понять и проанализировать даже самые неоднозначные явления. У. Розенберг подчеркнул важность для исторической науки тех споров, которые проходили на коллоквиуме, и то, что их конфронтационный характер не сказывался на уровне научной глубины обсуждения. Директор ИРИ РАН д.и.н. *Ю.А. Петров* выразил позицию тех участников коллоквиума, которые выступали против дегероизации прошлого, напомнив, что историк несёт ответственность перед следующими поколениями, влияя на историческую память. Для правильного понимания противоречивых событий прошлого, считает исследователь, их необходимо сравнивать, соблюдая баланс. Без этого историки перестают заниматься наукой и, не желая того, погружаются в идеологию.

Прошедший коллоквиум в очередной раз продемонстрировал важность интернационального диалога, обмена опытом разных исторических школ. Несмотря на то, что было сложно подвести какие-то общие выводы «нетрадиционной военной истории», роль «маленького человека» в условиях больших катаклизмов участники обсуждения проследили в самых разных сферах. В перспективе ожидается публикация сборника с докладами и материалами дискуссии. Между тем традиция петербургских международных встреч не прекращается: идёт подготовка нового коллоквиума, приуроченного к столетнему юбилею событий 1917 г. и посвящённого анализу революционного процесса в России.

К.А. Тарасов